

П.Ф.Якубович. Бодлер, его жизнь и поэзия

OCR: Максим Бычков

Шарль Пьер Бодлер родился в Париже 21 апреля 1821 года. По его собственному признанию, многие из предков его были идиотами или маньяками и все отличались "ужасными страстями". Старший брат его Клод (от другой матери) на 55-м году жизни был разбит параличом и умер, кажется, в сумасшедшем доме почти в одно время с поэтом. У матери последнего в старости были парализованы ноги. Все эти генеалогические данные невольно наводят на мысль, что Бодлер уже в крови своей носил, быть может, задатки той страшной болезни, которая преждевременно свела его в могилу и наложила такой горький и темный отпечаток на его талант и характер. Но не подлежит также сомнению, что и сам поэт прибавил к этим ненормальным основам своей природы значительную каплю яда. Долгое время друзья его, и особенно Теофиль Готье, пытались реабилитировать в этом отношении его память, называя вздором ходившие в обществе слухи о злоупотреблении гашишем и опиумом и утверждая, что Бодлер из любознательности только сделал один или два опыта с одним из этих опасных веществ...

Однако обнародованная в последнее время интимная переписка Бодлера не оставляет теперь никаких сомнений в том, что он не был свободен от несчастной страсти к наркотикам. В одном из писем 1859 года он говорит: "Я очень мрачен, мой друг, а опиума нет". В дневнике 1862 года читаем: "Я культивировал свою истерию с наслаждением и ужасом". А в письме, относящемся к 1865 году (за два года до смерти), он уже прямо сознается: "...лечивший меня доктор не знал про то, что некогда я долго употреблял опиум". Конечно, Бодлер не был знаменитым английским опиофагом Кинсеем, который целых шестнадцать лет пожирал это наркотическое вещество, дойдя до 320 гранов в сутки (!!), и который посмеялся бы над французским своим подражателем, как над ребенком: но на это у Кинсея и здоровье было железное: он имел силу воли отделаться в конце концов от своей несчастной слабости и прожил потом еще много лет в полном здравии. Но если Бодлер и не особенно злоупотреблял опиумом, пользуясь им только для успокоения желудочных и нервных болей, которыми страдал с молодости, то на его нежном, слабом от природы организме и это могло оставить зловередные следы. Одно прибавлялось к другому...

Отец Шарля, Франсуа Бодлер, был также в своем роде замечательной личностью. По показаниям поэта, он "носил сутану раньше, чем надеть фригийский колпак". Во всяком случае, он учился в духовной семинарии, был затем учителем в каком-то коллеже и репетитором детей герцога Шуазеля. У него были дружеские связи в двух противоположных кругах общества - в аристократии и среди революционеров. В мрачные дни террора он держал себя в высшей степени мужественно и благородно, целыми днями бегал по тюрьмам и судилищам, открыто заступаясь за наиболее скомпрометированных лиц и для спасения чужой жизни рискуя собственной головой. Он же, говорят, доставил яд знаменитому Кондорсе, когда не смог спасти его. Крайний радикал по убеждениям, он был аристократ по манерам и любви ко всему изящному. Он часто водил маленького Шарля по общественным садам, где любил показывать ему статуи, и под его-то влиянием у мальчика пробудилась необыкновенная страсть к пластическому искусству. Ему было десять лет, когда умер старик отец. Овдовевшая молодая мать Шарля вскоре вышла вторично замуж за блестящего молодого офицера Опики, впоследствии генерала и маршала Людовика-Филиппа, и этот факт скорого забвения памяти дорогого человека образовал глубокую рану в сердце поэта, который долго после того не в силах был относиться к матери с прежней страстной любовью. Что касается отчима, то у нас нет оснований думать, что он дурно относился к пасынку: напротив, он, по-видимому, любил его по-своему и мечтал устроить ему такую же блестящую карьеру, какую сделал сам; но в нем не было ни той сердечной нежности, ни той любви к искусству, какие Шарль помнил в своем отце. Во всяком случае, известно, что с раннего детства и до конца жизни поэт относился к нему с глубокой антипатией...

Девяти лет Шарль поступил в коллеж в Лионе. Любознательный и способный, он обладал крайне живым, беспокойным умом, мешавшим усидчивости и внимательности, и успехи его в коллеже были посредственны. Уже в те ранние годы будущий писатель отличался независимым и оригинальным характером. "Удары жизни, борьба с учителями и товарищами, глухая тоска, - кратко говорит он об этом времени в своих автобиографических заметках, - чувство